

ПРОБЛЕМА ЗАКОНА И СОВЕСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© 2016 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Опубликовано в сб.: Грехнёвские чтения. Литературное произведение в системе контекстов. Выпуск 7. Нижний Новгород: Книги, 2017. 312 с. С. 161-168.

Рассматриваются произведения русской литературы о Великой Отечественной войне, в которых затронута тема военного преступления: «Двое в степи» Э. Казакевича, стихотворение В. Высоцкого «Тот, который не стрелял», повесть «Помилование» М. Карима, роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева. Исследуется проблема преступления подлинного и мнимого, отношение авторов и героев к этому вопросу. Целью работы является сопоставление конфликтов и авторских позиций в произведениях разных эпох. Делаются выводы о том, что гуманистический пафос повести Э. Казакевича объясняется послевоенной ситуацией, а в произведениях В. Высоцкого, М. Карима, В. Астафьева воплощается актуальный для литературы второй половины XX века конфликт личности и государства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное преступление, конфликт, закон, нравственные проблемы, личность, государство.

Военная проза стала в отечественной литературе XX века одним из самых плодотворных и многогранных по проблематике течений. Закономерно, что в нём находит отражение конфликт, определяемый «линией фронта», но едва ли не большее значение приобретает в этой литературе тема противостояния нравственного, столкновения добра и зла в человеке, и это напрямую касается произведений, раскрывающих проблему «преступления и наказания» на войне.

Одно из первых в советской литературе произведений на тему военного преступления – повесть Э. Казакевича «Двое в степи» (1948 г.). Её герой – лейтенант Огарков – потерявшись в боевой обстановке, не сумел доставить в сражающуюся дивизию приказ об отступлении, что могло погубить множество людей. Осмысливая значение поступка главного героя и с чисто человеческой, и с военной точек зрения, автор не выражает никаких сомнений в его вине (в отличие от А.И. Солженицына, изобразившего аналогичную ситуацию, но с противоположной оценкой [1]). Но тем не менее писатель ставит вопрос о возможности искупления и прощения. Финал повести оптимистичен: «... все полевое управление армии, от солдат-посыльных до генералов, было озабочено и захвачено судьбой Огаркова. Его возвращение, по сути дела вполне добровольное, в распоряжение трибунала, приговорившего его к расстрелу, поразило и растрогало людей, хотя и ожесточенных отступлением, тяжелыми лишениями и смертью друзей» [2]. А потом следует извес-

тие, воспринимаемое всеми с облегчением: «Огарков помилован и послан командовать взводом на передовую» [2]. Э. Казакевич выстраивает сюжет произведения таким образом, что человек, нравственно переродившийся и искупивший вину, заслуживает сочувствие своих товарищей и помилование со стороны военного трибунала. Весь ход сюжета произведения, направление эволюции характера главного героя показывают читателю, что даже человек, совершивший преступление под влиянием минутной слабости, может остаться человеком в полном смысле слова, а главное, окружающие способны его понять и простить, видя, что он искупил свою вину. Создаётся ситуация, когда власть руководствуется не формальным, а нравственным принципом оценки человека (ситуация, как следует из текста, нетипичная: не случайно все знающие историю лейтенанта Огаркова так опасаются, что военный трибунал примет решение только на формальных основаниях). С точки зрения закона военного времени Огарков виновен, но с точки зрения совести он достоин милосердия. Эта антиномия могла бы приобрести трагическую окраску, но писатель разрешает её иначе, к тому же упоминает в финале повести некоторые обстоятельства, которые смягчают конфликт закона и совести: прежний приговор Огаркову не был утверждён, что дало возможность его пересмотреть, кроме того, дивизия, в которую он не сумел доставить приказ, не погибла – это уменьшает степень вины героя, правда, не снимает её окончательно, а даже переводит вопрос в принципиальную плоскость, ведь всё равно преступление остаётся преступлением.

В дальнейшем военная проза исследует проблему военного преступления в ином аспекте, что иллюстрируют повести Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1 ред. – 1957 г., 2 ред. – 1989 г.) и В. Распутина «Живи и помни» (1975 г.), объединённые общей темой. Оба писателя акцентируют внимание на конфликте долга и личных интересов, в результате которого человек не выдерживает постоянной необходимости преодолевать себя и совершает предательство – дезертирство. При этом в обоих случаях моральный груз этого поступка ложится на женщину, которая вынуждена делить со своим мужем и преступление, и ответственность. Однако в этих произведениях практически не рассматривается антиномия закона и совести, поскольку здесь эти нормы не противоречат друг другу, речь идёт, скорее, о конфликте чувства и долга в душе героини. И закон, и совесть – на стороне долга, по этой причине героиня Ч. Айтматова жертвует дорогим когда-то человеком, а героиня В. Распутина – жизнью.

В повестях В. Быкова («Сотников», «Круглянский мост») тема военного преступления тоже занимает важное место. Однако в этих произведениях преступлениям Рыбака, Бритвина нет нравственных оправданий, а потому и не возникает конфликта закона и совести в художественном осмыслении событий.

В литературе второй половины XX века в произведениях на тему военного преступления начинает воссоздаваться и осмысливаться иная коллизия: герой оказывается виновным формально, но невиновным по сути, и такая постановка вопроса порождает конфликт закона и совести.

Стихотворение В.С. Высоцкого «Тот, который не стрелял» / «Тот, кто не стрелял» посвящено ситуации, в которой человек оказывается жертвой репрессивной системы и страдает за мнимое преступление:

Судьба моя лихая давно наперекос:

Однажды языка я добыл, да не донёс,

И особист Суетин, неутомимый наш,

Ещё тогда приметил и взял на карандаш... [3, с. 112].

Рамки жанра не подразумевают более подробной разработки ситуации, да в этом и нет необходимости: она воссоздаётся благодаря деталям и подтексту. Герой обвинён в преступлении и приговорён к расстрелу, следовательно, формальные основания для этого существуют, но по совести он невиновен – отсюда его горькие слова: «За что мне эта злая, нелепая стезя?». Те, кто способствует вынесению приговора, не нарушают «буквы закона», но с точки зрения совести они совершают нравственное преступление. И это становится возможным, поскольку военная «машина», государственная система враждебны по отношению к личности. Компромисс пытается найти командир части, который стремится спасти осуждённого, по всей видимости понимая, что преступление его лишь фикция: «Мой командир меня почти что спас...» [3, с. 112]. Этот персонаж в системе образов и конфликте занимает противоречивое положение: с одной стороны, принадлежит к системе, а с другой стороны, защищает личность – не случайно он с радостью встречает героя, вернувшегося в часть после неудавшегося расстрела: «А что не дострелили – так я, брат, даже рад» [3, с. 113]. Итак, командир пытается действовать по нравственному, а не официальному закону, но это не приносит результата. Воплощением же совести, морального принципа, действующего наперекор обстоятельствам, уставам и приказам, становится «тот, который не стрелял». Это, по сути, центральный образ стихотворения, олицетворяющий собой авторскую позицию: даже на фоне жестоких исторических событий, порождающих жестокие законы, всё решает совесть.

Максимально острые коллизии разворачиваются в литературе о войне 80-90-х годов: в повести «Помилование» М. Карима и романе «Прокляты и убиты» В. Астафьева. В обоих произведениях одним из сюжетообразующих становится мотив неосознанного дезертирства. Герои самовольно покидают расположение военной части, не понимая, что это преступление, тем более в военное время, и заканчивается это трагически. В романе В.

Астафьева братья Снегирёвы уходят на несколько дней из запасного полка к матери, в повести М. Карима танкист Любомир Зух уезжает из батальона на несколько часов, чтобы попрощаться с любимой девушкой. Герои как бы по инерции живут закономерностями мирного времени, когда в их поступках не было бы ничего катастрофического. Они не в силах понять, что война всё изменила. Правда, в повести М. Карима Любомир Зух в последние часы своей жизни всё-таки понимает, что те, кто его судил, смотрят на его поступок с иной точки зрения, чем он сам. Ему уже приходит в голову, что он если и невиновен по совести, то виновен по закону. Братья же Снегирёвы у Астафьева так и не осознают этого, продолжая смотреть на события лишь с собственной точки зрения, они даже не предполагают, что иная точка зрения вообще может быть, они просто не верят в реальность происходящего.

По-разному осмыслены двумя авторами и образы представителей и исполнителей закона – тех, кто вершит судьбы «преступников». В романе В. Астафьева представители власти либо равнодушны, либо настроены враждебно к Снегирёвым. Единственный, кто сочувствует несчастным «дезертирам» и надеется на чудо, способное их спасти, – это начальник Особого отдела Скорик, не случайно его в дальнейшем заменяют на более «идеологически выдержанного» работника. Майор, представитель, видимо, военной прокуратуры, без эмоций зачитывает приговор, и это не суровая сдержанность, а именно холодное безразличие: ни одна деталь не свидетельствует о душевных переживаниях. Некие не упомянутые в тексте высокие чины, выносившие и утверждавшие приговор братьям Снегирёвым, решили, что необходимо не просто расстрелять солдат, но и сделать это показательной идеологической акцией, работающей на «завинчивание гаек». Отношение этих безликих и безымянных вершителей судеб к простому солдату аналогично тому, как председатель трибунала Анисим Анисимович в сцене суда над солдатом Зеленцовым относится к тем, кто в зале: с высокомерным презрением, как к быдлу. По этому поводу автор замечает, что суд идёт «не божий, а правый, советский, по которому выходит, что все людишки, наполняющие эту страну, всегда во всём виноваты и подсудны» [4, кн. 1, № 11, с. 222]. В образе Анисима Анисимовича автор видит воплощение не только советской юстиции, но и в целом всего советского, и рассуждения писателя об этом полны безграничной ненависти. Он пишет о том, что общество проводило своеобразную селекцию, выводя скотоподобную породу, к которой писатель относит советского учителя, советского врача, советского партийного работника, но более всего – советского юриста: «Здесь чем более человек был скотиноподобен, чем более безмозгл, угрюм, беспощаден характером, тем он больше годился для справедливого карательного дела» [4, кн. 1, № 11, с. 221]. О военном трибунале, выносившем приговор Снегирёвым, не говорится в романе настолько подроб-

но, как об Анисиме Анисимовиче, но параллель напрашивается сама собой. Мастера «карательного дела», скорее всего, потому и не изображены, что после описания Анисима Анисимовича здесь больше нечего добавить. Ситуация складывается как в стихотворении В. Высоцкого: «Кто-то на расстреле настоял» - некая обезличенная сила, воплощение холодной жестокости.

Более подробно и совершенно отталкивающе изображается лейтенант, командующий расстрелом. В его духовном облике тоже нет ничего человеческого. Он выполняет привычную работу, причём простую и необременительную для него. Наслаждаясь собственной ловкостью, он спрыгивает с телеги, ведёт себя с холодным спокойствием, в котором он «натренирован», а после расстрела пренебрежительным движением смахивает в яму ботинок одного из убитых. С ненавистью и отвращением смотрят на этого человека однополчане Снегирёвых.

Авторские оценки в этих сценах совершенно однозначны, внутреннего конфликта между долгом и совестью в душах людей здесь не возникает по причине отсутствия совести и человечности у тех, кто уполномочен решать судьбы, и это *не даёт возможности воплотить в этих образах категорию трагического*, которая подразумевает высокое. В этом отличие взглядов В. Астафьева от концепции М. Карима, которая как раз *способствует эстетической разработке категории трагического*. На фоне однозначности, «одно-красочности» эмоциональных оценок в романе В. Астафьева в повести М. Карима художественное воссоздание ситуации представляется гораздо более сложным: оно построено на диалектике закона и совести, на неразрешимых и глубоких противоречиях.

В произведении М. Карима эстетический аспект категории трагического связан не только с гибелью осуждённого «преступника», но и с самоощущением тех, кто решает его судьбу. Буквально все, кто хоть какое-то отношение имеет к этой ситуации, остро переживают происходящее, страдают и сострадают. На коленях, со слезами просит за осуждённого старик Бурёнкин, который пожаловался на неаккуратную езду танкиста, из-за чего и выяснилось, что Любомир Зух уезжал из части. Старику кажется, что он сам будет погублен, если станет виновником чужой гибели. Острое чувство вины мучает капитана Казарина, который колебался: скрыть ли проступок Любомира Зуха или поступить по закону – и выбрал второе, а потом пожалел об этом, но было поздно: «...и по уставу, и по долгу службы комбат Казарин был прав. Но сегодня устав и долг отступили назад, возмутилась и забастовала совесть» [5, с. 50]. Сочувствуют Любомиру Зуху даже военный прокурор и следователь, которые по характеру своей работы обязаны руководствоваться только строгими военными и юридическими нормами. У обоих «душа не на месте», оба ощущают моральный дискомфорт, который вызван противоречием между законом и сове-

стью. Совесть и гуманизм оказываются в такой ситуации неразрывно связанными друг с другом и противопоставленными закону, поэтому с моральной точки зрения закон проигрывает, но он выигрывает фактически.

Расстрелом Любомира Зуха командует – как и в астафьевском романе – лейтенант. Лейтенант Янтимер Байназаров, первым фронтовым заданием которого становится командование расстрелом своего же однополчанина, переживает настоящую трагедию, страдает даже сильнее, чем приговорённый. Он не может найти себе места, не спит ночью, течение времени он ощущает как физическую тяжесть, которая всё увеличивается. Не в силах преодолеть себя, он идёт к комиссару Зубкову просить, чтобы его избавили от мучительного поручения, но ничего не добивается, хотя комиссар сочувствует ему, даже не меньше, чем Любомиру Зуху: один обречён на смерть, другой – на роль палача, оба не заслуживают такой участи, но обоим невозможно помочь: «Воинский приказ без причины не меняют» [5, с. 63]. Переживания Янтимера Байназарова особенно близки автору, поскольку в образе этого героя есть автобиографическое начало: в своих воспоминаниях М. Карим пишет, как ему однажды было приказано командовать расстрелом дезертира и он просил комиссара избавить его от этого тяжёлого дела (в реальности ему повезло больше, чем его герою: комиссар внял просьбе) [6]. Этот комиссар стал прототипом Зубкова – единственного героя, который попытался сделать что-то конкретное ради спасения осуждённого и отослал «наверх» прошение о помиловании. Заметим, что это представитель советских партийных работников, которых В. Астафьев наградил эпитетом «скотоподобные». У М. Карима в этом герое воплощена вера в то, что война не исключает человечности и возможности милосердия. До последнего он с величайшим напряжением и надеждой ждёт ответа вышестоящей инстанции: «Тридцать минут кряду комиссар Арсений Данилович Зубков словно бы своими руками держал безжалостную стрелку, не пуская вперёд. На большее силы не хватило...» [5, с. 73]. Выразительная метафора как бы материализует переживания героя и его волю к тому, чтобы изменить ситуацию. Ещё одна красноречивая деталь, усиливающая трагическое начало: просьба о помиловании была удовлетворена, но этот ответ опоздал на 50 минут. Если в произведениях В. Высоцкого и В. Астафьева «кто-то на расстреле настоял», то в повести М. Карима безличный «кто-то», олицетворение власти и закона, проявил милосердие. И, несмотря ни на это, всё-таки писатель не позволяет сложной сюжетной коллизии разрешиться позитивно. Такое развитие действия призвано подчеркнуть трагизм войны: именно она создаёт непреодолимые для людей обстоятельства, роковые и губительные. Каждый из героев лично сохраняет в себе человечность и милосердие, но не может изменить трагическую ситуацию. Совершенно иначе выглядит

разрешение коллизии в романе В. Астафьева, где ответственность за произошедшее возлагается именно на людей, а не на обстоятельства.

Чем больший временной промежуток отделяет нас от Великой Отечественной войны, тем острее воспринимает и передаёт литература конфликты и трагедии той эпохи, связанные не столько с самой войной, сколько с нравственной позицией человека. Об этом свидетельствует сопоставление произведений Э. Казакевича, В. Высоцкого, М. Карима, В. Астафьева.

В послевоенную эпоху в произведении Э. Казакевича отразился оптимистический настрой в осмыслении проблемы «преступления и наказания». Почему в повести, написанной почти сразу же после войны, развязка истории военного преступника оказывается настолько гуманной? Можно предположить, что в этот период истории именно такое разрешение конфликта соответствовало духовному настрою общества, ожидавшего чего-то оптимистичного, надеявшегося на смягчение отношения государства к личности. Войну можно считать и апофеозом, и началом кризиса сталинской системы [7]: победа была достигнута в основном за счёт простого человека, но в то же время человек во время грандиозных событий перестал чувствовать себя «винтиком» в государственной машине. Начался процесс духовного освобождения, и выразился он прежде всего в литературе о войне, показавшей ценность личности и её великую роль в истории (это отразилось в творчестве Б. Пастернака, О. Берггольц, С. Гудзенко, Л. Леонова и др. [7]). Подтверждением тому является и гуманистическая идея повести «Двое в степи» Э. Казакевича.

В литературе второй половины XX века, особенно 80-90-х годов, всё меньше становится надежд на справедливость и гуманизм со стороны государства. Наоборот, актуализируется проблема взаимоотношений личности и административно-командной системы, отражается она и в произведениях на тему Великой Отечественной войны, в том числе и в решении вопроса о военном преступлении, о законе и совести. Концепция противостояния человека и государственной «машины» становится в литературе благодатной почвой для разработки такой сюжетной ситуации, как наказание за формально понимаемое преступление. Примерами тому становятся произведения В. Высоцкого, М. Карима, В. Астафьева.

Концепция стихотворения В. Высоцкого «Тот, который не стрелял» диалектически противоречива: с одной стороны, автор видит возможность торжества справедливости и милосердия, с другой же стороны, причина этого заключается не в гуманности системы, а в личной порядочности и смелости отдельного человека. Кроме того, концептуальна для Высоцкого и мысль о том, что война не допускает счастливого финала: если выживает герой, то гибнет его спаситель.

Произведения В. Астафьева и М. Карима уже не оставляют никакой надежды ни на гуманизм государства (как в повести Э. Казакевича), ни на осуществление милосердия благодаря чьей-то личной порядочности (как в стихотворении В. Высоцкого). В обоих произведениях разработка сюжетной ситуации «преступления и наказания» говорит о том, что для государства личность – это песчинка в вихре истории, но тем большее сочувствие вызывает у читателя человек, оказывающийся жертвой. Несмотря на такую общность авторских позиций в этих произведениях, в них есть и концептуальные различия. Повесть М. Карима продиктована стремлением сохранить уважительную память обо **всех** участниках трагической истории, она звучит как призыв к милосердию и пониманию по отношению к любому из них, является ли он «маленьким человеком» или представителем власти. Роман В. Астафьева проникнут ненавистью к власти, обрекающей человека на гибель, и эта ненависть – главный эмоциональный нерв романа. В этом контексте о многом говорит выбор названий для этих произведений: «Прокляты и убиты» у В. Астафьева и «Помилование» у М. Карима.

Список литературы:

1. Сухих С.И. Два гуманизма (повесть Э. Казакевича «Двое в степи» и «История Григория М-за в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 345-349.
2. Казакевич Э.Г. Двое в степи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/kazakevich_emmanuil/dvoe_v_stepi.html (дата обращения: 02.02.2016).
3. Высоцкий В.С. «Тот, кто не стрелял» // Высоцкий В.С. Мне есть что спеть... Чебоксары: Госкоминформпечать Чувашской республики, 1993. С. 112-113.
4. Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Кн. 1. Новый мир. 1992. №№ 10-12. Кн. 2. Новый мир. 1994. №№ 10-12.
5. Мустай Карим Помилование / Перевод с башкирского Каримова И. // Дружба народов. 1986. № 8. С. 3-84.
6. Мустай Карим. Мгновения жизни. Главы из книги / Перевод с башкирского Каримова И. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/11/karim.html> (дата обращения - 28.02.2016).
7. Сухих С.И. К проблеме периодизации истории литературы XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 369 – 375.

The Problem of Law and Consciousness in Literature about to World War Two

Sukhikh O. S.

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyses Russian literary works about World War Two which revolve around the topic of military crime: E. Kazakevich's "Two in the Steppe", V. Vysoktskiy's "The One Who Didn't Shoot", M. Karim's "Pardon", V. Astafyev's "The Cursed and the Slain". The author of the article explores the issue of a crime being real and imaginary, as well as the characters' and the authors' positions about this issue. The article makes a conclusion that the humanitarian pathos of E. Kazakevich's novel stems from the situation after war while the works by V. Vysotkiy, M. Karim and V. Astafyev depict the conflict between a person and the government which is very relevant in literature of the second half of the 20th century.

Key words: World War Two, military crime, conflict, law, the problem of morals, person, government.